

 ВИНЧЕСТЕР
ЛУЧШИЕ ВЕСТЕРНЫ

МАКС БРЭНД
СМЕРТЕЛЬНАЯ ПОГОНЯ

Макс Брэнд

Джон Кипящий Котелок

«Центрполиграф»

Брэнд М.

Джон Кипящий Котелок / М. Брэнд — «Центрполиграф»,

Пять лет банда Красного Коршуна вела разгульную жизнь в Великой Западной Прерии и орудовала бы в тех краях до скончания века, но покончил с Красным Коршуном отчаянный парень из Техаса – Джон по прозвищу Кипящий Котелок, случайно оказавшийся в тех краях.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	27
Глава 9	30
Глава 10	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Макс Брэнд

Джон Кипящий Котелок

Глава 1

Дорога в Эмити

Эмити!¹ Это пятнышко на карте казалось весьма соблазнительным. Отчасти дело было в названии. Пожалуй, даже не отчасти, а в основном, поскольку моя жизнь с того самого момента, как в три года от роду я выпал из окна второго этажа, потянувшись за птичкой, представляла собою затянувшееся сражение. Тогда я только потому не свернул себе шею, что под окном росло дерево; ветки, смягчившие мое падение, лишь здорово меня поцарапали. Но Божья птаха, можно сказать, стала застрельщиком в той нескончаемой битве, которую я с той поры вел со всем миром, ибо все мои дальнейшие жизненные опыты неизменно сопровождались рубцами на теле. Так что, кроме как в Эмити, мне просто некуда было податься.

Уезжать на далекий Запад пришлось в спешке. Виной тому рассеянность одного джентльмена в Форт-Уорте, который перепутал мою спину с игольницей и, когда я отвернулся, захотел вставить в нее что-то острое. Естественно, я завел с ним оживленный разговор, к концу которого мой собеседник заметно приуныл, – по-моему, он опасался, что не выживет. Признаться, его состояние меня встревожило не меньше, чем всех окружающих. Дело в том, что они оказались добропорядочными гражданами и потому решили прибегнуть к закону, а чтобы с ним не сталкиваться, я предпочел найти раскрытое окно и нырнуть в него. К счастью, внизу был мягкий песок – мой позвоночник остался цел. Я встал и слегка посторонился, уступив дорогу стайке пуль 44-го калибра. Оставалось одно – прыгнуть на лошадь и поскорее отправиться в далекие края.

За два месяца с того вечера я пять раз менял лошадь. Трижды – одежду. Нет, не для маскировки конечно же. Просто так само собой получается – невезение, что ходит за мной по пятам, то и дело портит мои вещи. Но когда как зачарованный я стоял и смотрел из ущелья на Эмити, мною тоже можно было залюбоваться: последнее переодевание оказалось самым удачным.

Накануне мне повстречался человек с размахом. Одетый с иголки, он путешествовал на хорошем жеребце, а главное – имел при себе толстый кошелек, который хотел набить потуже посредством карточной игры.

Только покер для меня – не игра. Это моя стихия. Надо ли говорить, что мой новый знакомый проигрался в пух и прах? Я хотел было привести парня в чувство, даже сказал, что не стану обирать его до нитки, но он пришел от этого в ярость, потому что был ирландцем, а эти ребята, коли разойдутся, могут вконец потерять голову. Я не успел опомниться, как отыграл у него последнюю сотню.

Тут он обозвал меня прохвостом и схватился за оружие. Парень оказался одним из тех комиков, что не расстаются с револьвером – вечно держат его в кобуре под мышкой. А я свой отложил вместе с ремнем, когда садился играть. Ничего не оставалось, как придержать его за предплечье.

Бог не обидел меня силенкой. Отец говорил – верно, для того, чтобы я не выпустил из рук невезение, даже если вокруг фортуна ко мне обернется. Так что я намертво сковал конечность моего ирландского друга и держал ее так до тех пор, пока не выдалась возможность сунуть ему

¹ Эмити – мир, дружелюбие.

кулаком под ребра. Он сразу же выпустил пар и растекся по столу, а когда его легкие снова наполнились, револьвер был уже у меня.

И что же? По праву победителю принадлежит все, что находится на поле боя. Тем не менее я рассудил по-другому. Поскольку мы с ним были примерно одного роста, забрал его одежду. Вместе с нею коня и седло. Взамен он получил мои лохмотья и клячу. А выигрыш я поделил пополам. Всего там было шестьсот двенадцать долларов, стало быть, на брата пришлось по триста шесть.

Кто скажет, что я поступил не по справедливости? Ведь вообще-то мог бы все забрать. И хотя во время дележки этот тип смотрел на меня с ненавистью, на предложение решить спор в честной драке не откликнулся. Похоже, в эту игру тоже наигрался. Так что продолжать знакомство с ним было незачем. Если человек не хочет драться за свои права, они ему, выходит, ни к чему.

Вот так оно и получилось, что к тому городишку в две дюжины домов, вытянувшихся по берегу извилистой реки, я подъехал франтом. Никакой это был, конечно, не город – так, деревня. На западе Техаса все поселения такие – смотреть не на что. Но дело было ранней весной, а в это время земля здесь покрыта полевыми цветами. У этих цветов короткий век: едва вылезут из-под земли, покрасуются денек-другой, как, глядишь, солнце их уже и спалило, на сухих стеблях остаются лишь семена, а они, вызрев, падают в горячий песок и пекутся там, пекутся весь остаток весны, лето и всю жаркую осень. Только следующей зимой, когда пройдут дожди, несколько капель влаги дадут им силу, чтобы ненадолго сделать мир чуть краше – как в то мгновение, когда я смотрел на долину и на склоны гор, залитые нежным цветом. От такой красоты никуда не денешься – она проникает в тебя, словно тонкий запах женских духов, и ты невольно начинаешь улыбаться.

И только я расплылся в улыбке, как из-за поворота дороги показался человек, который гнал впереди пару осликов, навьюченных инструментом старателя. Тоже меня заметив, он приветливо махнул рукой сквозь облако пыли.

– Что там за город? – прокричал я ему.

Приближаясь, старатель глядел на меня недоумевающе, словно я спросил название материка.

– Эмити – какой же еще?!

Эмити? Я вертел это слово так и сяк, будто оно таяло во рту слаще сахара. Впереди – город миролюбия, позади – четверть века кровопролитной войны. Казалось, каждый шрам на моем теле заныл в предвкушении долгожданного покоя.

– Хорошо звучит, – заметил я. – Только откуда взялось это название?

Облако пыли уже рассеялось, и теперь я отчетливо видел красное от жары и трудного подъема лицо незнакомца, который стоял, облокотившись на тощий круп осла.

– Скажу, – ответил он, – отчего же не объяснить? Вот раньше люди не могли здесь жить в мире, а как спалили свой город в третий раз, так и решили, что его название ни к черту не годится. Ну, собрались, покумекали да и выдумали это самое Эмити, чтоб жилось спокойно.

– На вид вроде тихое местечко, – согласился я.

– А то как же! Тут уж, наверное, недели три никого не убивали. Это все Пит Грешам. Как взял дело в свои руки, такую, понимаешь, строгость навел...

– Он что у вас, за старшего?

– Да-а, он тебе и мэр, и пэр, и шериф, и хозяин салуна, и общество защиты слабых. Мы тут все у него под крылышком, а те, которые по городам шастают, чтоб склоки затевать, боятся его пуще смерти.

– Вот ведь человек! И такие бывают? – удивился я.

– Этот – настоящий! – с энтузиазмом сообщил старатель и, ухмыльнувшись, добавил: – Только что в нем проку, коли место все равно гиблое.

– Это почему?

– А вот поезжай да и сам все выясни. Я ведь тебе не газета какая, чтобы все растолковывать. Но если на то пошло, никто на целом свете не скажет, почему оно такое. Одно я знаю точно, – тут он с грустью посмотрел в сторону домов, – никакой там Пит, будь он хоть трижды Грешам, не снимет с этой деревни проклятия. Она родилась с грехом. На плохой земле выросла. Не видать здесь покоя ни злодею, ни праведнику.

Для выразительности он сопровождал эту маленькую речь глухим ударом по ослиной спине и тотчас двинулся в путь, продолжая что-то бормотать себе под нос, словно спешил убраться подальше от проклятого места. Но я был бы не прочь с ним еще поговорить, поскольку его слова меня порядком раздосадовали.

Однако, снова окинув взглядом долину, городок, горы, вмиг позабыл все грозные предупреждения старателя, потому что более мирной картины и вообразить было трудно. Речушка лениво изгибалась вдоль домов, и я издали видел отражения деревьев в водной глади. Весь городок утопал в зелени: на обочинах улиц росли деревца, перед домами были аккуратные цветочные садики, во дворах тут и там виднелись грядки с овощами. Чем дальше я смотрел, тем радостнее мне становилось.

Можно сказать, красота этой долины была чем-то сродни красоте размалеванной девки. Я ведь знал, что весь ее дивный цвет вскоре сойдет; наружу вылезут голые склоны гор, которые будет нещадно палить летнее солнце. Но и это меня не огорчало – прекраснее всего было обещание покоя, которым манило название города.

Наконец спустился в долину, смахнул дорожную пыль с одежды и с коня и въехал в Эмити с таким видом, будто сошел с картины, хотя, между нами говоря, писанным красавцем меня не назовешь. Господь наградил мое лицо слишком маленьким носом и большущей нижней челюстью; как сказал однажды отец – для того, чтобы мой портрет не сильно пострадал после хорошей взбучки. Думается, он был прав. Вообще, отец редко ошибался на мой счет. В своих предсказаниях он пользовался одним простым правилом: из двух или более возможных зол на мою долю непременно выпадет худшее. Еще говорил, что никогда не пожелает мне зла, хотя бы по той причине, что оно само меня ищет. Вот и выходит, что родитель мой был пророком, – не ахти каким, конечно, но все-таки...

Однако, когда я очутился в городе, этим прописным истинам уже не было места в моих мыслях. Удивительно, как хорошая одежда заставляет человека позабыть о своей дурной наружности, даже если он наделен такими неправильными чертами, как я. Зная, что новый костюм идеально сидит на мне, точно сшит на заказ, я гарцевал на великолепном коне по главной улице, от гордости выкатив грудь колесом.

Первое, что бросилось мне в глаза, была вывеска на самом лучшем с виду здании, гласившая: «Отель Грешама». Прямо под ней висела другая: «Салун Грешама». А в дальнем конце дома маячила третья: «Игорный дом Грешама»!

Про себя я отметил, что этот мистер Грешам весьма ловок: с одной стороны, следит за порядком в городе, а с другой – преспокойно вытряхивает карманы законопослушных граждан. Тут и дураку ясно, какова выгода от подобного бизнеса! Но решил не торопиться с выводами и составить впечатление об этом джентльмене лишь после того, как увижу его воочию. Поэтому слез с коня и направился в салун.

Глава 2

Ссора на пустом месте

Честно говоря, я ожидал увидеть завязтого лицемера и в целом очень гнусную личность, потому что именно таких людей на дух не переношу. И был даже разочарован, когда, зайдя внутрь, не обнаружил там хозяина. За стойкой с деловым видом стоял здоровенный негр. Кроме него, в помещении находилось еще с полдюжину ребят, сидящих с выпивкой за маленькими столиками. Вели они себя очень тихо.

Все вокруг сияло чистотой абсолютно несвойственной барам Запада. Зеленоватые плитки пола еще темнели после недавней влажной уборки. Столики, за которыми расположилась компания, были ровно выкрашены в желтый цвет. Со стены на меня глядел портрет Хинана – его физиономия отражалась в огромном зеркале позади стойки. Повсюду были развешены гравюры с изображением скаковых лошадей.

Если принять к сведению, что в те времена обычный бар чаще всего представлял собой шаткий навес или палатку, где стойкой служила доска, лежащая на двух бочках, вы, наверное, поймете, насколько я был поражен, увидав здесь такие хоромы. Дважды обвел глазами комнату, прежде чем сделал шаг.

– Наливай! – потребовал я, снова бросив взгляд на Хинана.

Надо сказать, от одного его имени мне становится тошно. Тоже мне, гордость Америки! Противно вспоминать, как этот увалень дрался с Сайерсом, едва сведя дело к ничьей. Он бы еще и продул этому легковесу, если бы их не растащили до окончания поединка. Лично я не дал бы ему выступать за нашу страну и на заднем дворе. Чтобы понять, почему, достаточно было глянуть на портрет. Там Хинан был изображен во весь рост – стоя, заметьте, не на носках, а на пятках! – и походил на бронзовую статую, что, впрочем, правильно, поскольку он был примерно настолько же неповоротлив. Самое слабое его место – живот – как шлагбаум перекрывала правая рука. Художник польстил Хинану, слегка округлив ему мышцы, но нетренированный корпус все равно был похож на тюфяк. Я живо представил, как кулаки Сайерса с каждым ударом погружались в дряблый живот почти до запястья. И чем дольше изучал картинку, тем сильнее переживал, что не оказался в том бою на месте Хинана. Уж я бы показал тому англичанину! Во всяком случае, в клинче...

Голос над ухом отвлек меня от раздумий:

– Что прикажете налить?

Вопрос задал чернокожий бармен, и я уставился на него с ненавистью. Его интонация показалась мне слишком фамильярной, отчего распалила еще больше.

– Что налить? – зарычал я. – Виски! Или, может, воды предложишь?

Он пожал плечами и недовольно сощурился, давая понять, что не привык к грубому обращению.

– У нас тут много всего, сэр! – пояснил негр. – Из вин, например, есть кларет и старый добрый портвейн. Еще есть шерри, но оно, правда, не очень... Бренди на любой вкус – большой выдержки и нынешнего года, ну а еще...

– Боже ты мой! – не выдержал я. – Неужто меня в Новый Орлеан занесло? И кларет, говоришь, и бренди?...

Он кивнул и ухмыльнулся.

– Ну тогда давай бренди, но только чтоб постарше, – изрек я. – И не дай Бог, если окажется разбавленным! Тогда глею тебе сверну, понял, самбо?

Бармен попытался изобразить улыбку, но вместо нее вышла вялая гримаса. Видно было, что он задет. Это меня порадовало.

– Мое имя не самбо, а просто Сэм! – поправил меня негр.

– Самбо – твоё имя! – взорвался я от такой наглости. – Потому что в Луизиане, откуда я родом, самбо – всегда самбо, если только белому джентльмену не захочется звать вашего брата по-другому.

– Простите, сэр, – возразил он из-за стойки, – но, по-моему, белому джентльмену не годится так разговаривать со своими цветными братьями.

– Всяко годится! – отрезал я. – А ты никак мне перечишь, черномазый?

Бармен выкатил глаза и опустил руку под стойку.

– А ну, держи руки на виду! – вконец разозлился я. – Вытаскивай, кому говорят! – И уже приготовился в случае чего выхватить револьвер.

Такая нужда вполне могла возникнуть: этот негритос был, видать, задиристее иного белого. Руку из-под стойки он не убрал и тарашился на меня с вызовом. Только отвечать за себя ему не пришлось, потому как один из посетителей поднялся из-за стола, окликнув меня:

– Эй, уважаемый! У нас в городе такие разговоры вести не принято. И вообще, отстань от него, слышишь?

Вот так и сказал, представьте себе! Конечно, зря я набросился на этого беднягу негра, но слышать такие речи... В общем, сами понимаете, есть отчего взбеситься.

Я прошел к нему через всю комнату и встал напротив.

– Приятель, – сказал ему, – я знать не знаю, чем этот город такой особенный. И приехал сюда, чтобы тихо-мирно провести время, без каких-либо ссор. Но если у вас принято чуть что – хвататься за револьвер, так я здесь установлю другие порядки! Ты хорошо меня понял?

Словом, взамен каждого доллара тут же вернул ему два – с такой наличностью у меня никогда не бывало туги. Мой собеседник замер. Я уж подумал, что он наделает в штаны, но не тут-то было. Парень на секунду призадумался, а потом спокойно ответил:

– У меня нет привычки ввязываться в драки с незнакомыми людьми. Просто хотел тебя предупредить, что донимать Сэма мы не позволим.

Чувствуя его правоту, я понимал, что поступаю как неотесанный грубиян. От стыда меня прямо-таки охватила дрожь – в душе, разумеется, не в коленках, – но спросить постарался спокойно:

– Как тебя зовут?

– Том Кеньон.

– Так вот, Кеньон! – продолжил тогда. – Ты сказал куда больше, чем я готов выслушать. Тут парень повел себя до крайности странно – повернулся к друзьям:

– Как вы думаете, братцы, он, часом, не специально прислан, чтобы со мной поцапаться?

– Специально, не специально – какая разница? – ответил один из их компании, глядя на меня голодными глазами, будто хотел сожрать живьем.

– И то правда, – вздохнул Кеньон, – все равно деваться некуда. – И сделал шаг в мою сторону: – Чего ты от меня хочешь?

– Хочу узнать, какого цвета у тебя внутренности, – пояснил я, – мне уже не терпится на них посмотреть.

– Ах ты, собака! – взревел он и ударил меня по левой скуле.

Другой на моем месте отшатнулся бы, помянул его матушку и полез в кобуру. Но как говорил мой отец – иногда я думаю не головой, а руками. Поэтому и ответил мистеру Кеньону левым крюком, который едва не снес ему голову с плеч. Затем подался вперед, чтобы правой заехать ему по ребрам, но он уже был на полу; его затылок припечатался к стойке, а глаза помутнели от морской болезни. Так что драка закончилась, не успев начаться.

В задоре я стал вести себя еще глупее. Развернулся к его друзьям и принялся бес-связно объяснять, что готов уложить всех сразу, причем с радостью, поскольку у меня страшно

чешутся руки, и ничто не доставит мне большего удовольствия, чем навсегда выбить бойцовский дух из этого никудышнего городка.

Однако прекратил ораторствовать раньше, чем предполагал, – что-то в лицах слушателей заставило меня слегка попридержать коней. Один из парней подошел к Кеньону и помог ему подняться. Остальные сидели неподвижно, не сводя с меня глаз.

Когда я сделал паузу, самый старший из них поинтересовался:

– Как мы с ним поступим, ребята?

– Только побыстрее совещайтесь! – потребовал я.

– Молчал бы ты лучше! – осек меня старший. – И не шевелись, пока мы не приняли решение. Попробуй хоть шаг сделать! Хоть полшага!

И, ей-богу, он не шутил. Видно было, попробуй я хоть немного двинуться – на меня обрушится град свинца из четырех-пяти стволов. При этом я внезапно понял, что эти парни стоили большего, чем можно было дать по их одежке. То были серьезные, выдавшие виды люди, которые съехались в Эмити ради дела – разведения скота или поиска золота, а вовсе не ради праздной охоты за приключениями. Втихомолку я проклял себя за то, что с ними поссорился. Много месяцев искал себе подобную компанию, а когда нашел, вот так сгруппил и опозорился. И в глубине души очень желал, чтобы темнокожий бармен, а заодно с ним весь расовый вопрос провалились в ад!

– Ну что ж, – заявил между тем бодро, – кажется, у вас, джентльмены, все козыри на руках.

– Правильно, – подтвердил один, помоложе. – И мы собираемся ими сыграть. Благодарю Бога, дружище, что Питер Грешам в отъезде. Будь он здесь, тебя бы отделали по первое число, чтоб другим неповадно было.

Его поддержал старший:

– Если б ты был пьян, тебе бы еще нашлось какое-то оправдание. Но ты опьянел от одной своей наглости. Впрочем, мы тебя отпустим, если уберешься из города немедленно.

– И чтобы духу твоего здесь больше не было! – добавил третий.

– Ладно, ваша взяла, – пришлось мне признать. – Я, видно, не с того начал. Согласен, что был не прав. Счастливо!

Но только я повернулся на каблуках, как позади раздался голос пришедшего в себя Кеньона:

– Держите ублюдка! Он меня словно дубиной огрел, Джерри!

Я остановился вполоборота:

– Хочешь довести дело до конца?

– Будем стреляться, мерзавец! – заорал Кеньон.

Однако друзья подступили к нему с обеих сторон.

– Пусть уходит, – сказал один. – Охота тебе руки пачкать? А ты – проваливай!

Что я и сделал.

Глава 3

Я еду навстречу смерти

Я был так сам себе противен, что шел и твердил: «Как был с рождения варваром, так им, видать, и помру». Моя выходка в салуне Грешама была непростительна. Пришлось уносить оттуда ноги с такой поспешностью, что я даже не успел послать негритосу проклятие за его улыбочку. Только подумал, что он-то теперь небось доволен, и от этого на душе у меня стало еще паршивее. Дело в том, что в Луизиане, где я рос, на негров смотрели совсем не так, как здесь. Конечно, я с тех пор изменился, но не сказать, чтобы уж очень сильно: уроки детства, знаете ли, забываются с трудом.

Короче говоря, выйдя на улицу, я оседлал мустанга и поехал подальше от Эмити. Надо же, услышанное впервые, это слово означало для меня мир и покой после долгой войны. Но теперь пришлось махнуть рукой на такие фантазии. Видимо, не видать мне покоя на этом свете. Я рожден быть изгоем.

Нет настроения хуже тоски. Но именно в таком расположении духа я и выехал за черту города. А когда нападет черная тоска, ты становишься как нельзя ближе к дьяволу, потому что способен в равной степени причинять вред и себе, и другим. Один мой приятель, затосковав, принимался избивать любимую собаку – он испытывал странное наслаждение оттого, что каждый удар причинял им обоим муку. Другой знакомый, когда ему было плохо, без всякого повода бранил жену и, хотя сам понимал, что не прав, расходился от этого еще больше.

Вот такие мысли одолевали меня, когда я выбрался из Эмити. Пускаться в путь по незнакомой местности, не справившись о том, где какие тропы, крайне опасно, но в тот момент мне было на все наплевать. Сознывая себя конченным человеком, я ненавидел весь мир, поскольку чувствовал, что и у всего мира есть причины ненавидеть меня.

Просто отправился в горы наугад. Пару часов и вовсе не следил за дорогой – ехал, опустив голову, не обращая внимания на палящее солнце. Первым, кто несколько привел меня в чувство, был одинокий волк, стоящий на уступе скалы с противоположной стороны ущелья, примерно в полумиле от меня. Уверен, волки отлично знают, какое оружие на сколько бьет. Будь со мной карабин, эта тварь не показалась бы мне на глаза. Но у меня была только пара кольтов – зверюга отлично чуял, что бояться нечего.

Я видел его в мельчайших деталях, настолько чист и прозрачен был воздух. Натянул поводья, остановил лошадь, и мы долго разглядывали друг друга. Мне пришло на ум, что в обличье волка жить куда выгоднее, чем в человеческой шкуре. Если бы весь век мне только и приходилось, что перегрызать чужие глотки, я бы горя не знал. Тем более, что человек из меня был... Эх, да что там!

Вынужден так долго пересказывать мои невеселые раздумья для того, чтобы вы представили, каково мне было в тот миг, когда я потянулся за флягой и обнаружил, что она совершенно пуста, если не считать жалкого глотка теплой воды!

Это меня добило. Фляга была со мной так долго, что я привык видеть в ней своего друга, на которого всегда можно положиться. В свое время зашил ее стальное тело в чехол из тонкой фланели, пришивая лоскут за лоскутом, стараясь, как хороший портной, чтобы костюмчик вышел точно по мерке. Трудился по вечерам целых две недели, и фляга получилась всем на зависть. Преимущество фланельного чехла состояло в том, что его можно было намочить перед дальней дорогой, и тогда вода внутри оставалась прохладной до тех пор, пока из ткани не испарялась последняя влага.

Если вы оценили силу моей привязанности к этой вещице, то наверняка поймете, каким страшным ударом стала эта последняя неудача. Даже показалось, будто неодушевленные пред-

меты вступили между собой в сговор, чтобы в час нужды бросить меня на произвол судьбы. Конечно, было и более простое объяснение: ржавчина проела дырку в старом днище фляги, через которую и вытекла вода. Так дело и обстояло. Но мог ли я рассуждать логически, пребывая в таком настроении?

По правде говоря, в этот момент было еще далеко до опасности. Я мог развернуть коня, вернуться по своим же следам в Эмити и, раздобыв другую емкость, запастись водой. Но тогда еще мне претила сама мысль о возвращении. Не хватало только выставить себя на посмешище перед теми людьми, что вели со мной беседу в салуне! Нет, я не боялся их револьверов. Но что сказали бы они о парне, который сперва так хорохорился, а потом как дурак уехал из города с дырявой флягой?

Угрюмо взглядевшись в даль, где, сливаясь с небом, синели вершины гор, я сказал себе: «Где-то здесь должна быть вода, остается ее найти. Ну а нет, так и невелико горе».

Со стороны это было похоже на безумие, тем более мне уже доводилось бывать на Западе и об ужасах жажды в пустыне знать не понаслышке. Но тоска и горечь затуманивают рассудок.

Не знаю, сколько еще времени я держал путь в прежнем направлении, решив попросту забыть о том, что существуют какая-то там жажда, какая-то там вода и... фонтаны, холодные фонтаны, бьющие из-под земли, сверкающие на солнце миллионами брызг...

Но как только так решил, тут-то и начались мучения! Лучше всего подобные лишения переносят те, кто умом послабее. Человек с нормальным воображением пройдет десять кругов ада, прежде чем тупица что-то заметит. Как я ни старался изгнать чувство тревоги, оно становилось все сильнее. Еще час болтался в седле, потом остановил коня, и от страха меня прошиб пот, несмотря на то что из-за жары по лицу и так катились ручьи. Я осознал, что все это время гнал себя навстречу смерти.

Конечно, прошло всего каких-то три часа и все еще можно было вернуться. А шесть часов без воды – это не так уж и страшно. Но ведь коняга-то страдал от жары не меньше моего. Он был уже не тот, что утром; за это время так измотался, что едва плелся. Вот потому-то, остановив его, я долгое время сидел, обливаясь потом, пытаюсь взять себя в руки.

Окажись я где-нибудь к востоку от Аллеганских гор, и бровью не повел бы. Но здесь, на далеком Западе, был совсем другой климат. Да и местность уже мало напоминала те цветочные пейзажи вокруг Эмити: долина, в которую меня занесло, была сплошь покрыта камнями – острыми обломками скал, чьи отполированные дождем и ветром грани, словно мириады зеркал, многократно усиливали губительное действие солнечных лучей. А там, где не было больших глыб и щебня, лежал серый песок, поднять под силу который только буре. Подняв, она закручивает его вихрем и вонзает в тебя снопами игл, выпущенных из пушки.

Это была очень засушливая долина. А знаете ли вы, что такое по-настоящему сухой воздух? Уж простите за этот урок географии, но сухость, скажу я вам, иногда способна убивать! Я много слышал таких историй в моих краях, но, наверное, самые страшные случаи происходят в Долине Смерти. Сам я, не буду врать, ни разу в ней не был, но ребята, которым довелось там поработать, божились, что спать им приходилось наполовину в воде – настолько ужасен там зной. Можете себе такое представить? Говорят, на окраинах городов там ставят бочки с водой – это чтобы бедолаги, которые, оставшись без воды, все же сумели добрести до чужого жилья, нашли бы ее на несколько шагов ближе. Рассказывали мне и о том, как бывает невозможно утолить жажду, даже если беспрерывно пьешь, – организм не успевает поглотить влагу, как она уже вся выходит из пор.

Так что, если я говорю «очень засушливая долина», вы теперь, должно быть, понимаете, какая она была и почему мне стало так страшно. Не просто страшно! Прежнее чувство тревоги сменилось ледянящим ужасом! Я вдруг отчетливо осознал, что подписал себе смертный приговор и ничто на свете уже не может меня спасти.

В доказательство мне достаточно было слегка прищипорить коня. Обычно самый нежный укол заставлял его срываться с места и нестись скачками, подобно антилопе, за которой гонится пантера. Сейчас же он лишь тихонько засопел и, дернув головой, потащился медленной рысью.

Спросите, что я сделал дальше? Ну, минуту-другую просто сидел в седле и боролся со страхом. В общем-то понимал: стоит панике полностью завладеть моим рассудком, и я уже никогда не приду в себя. Мне доводилось видеть сумасшедших, которых приводили из пустыни, – они глядели, выпучив глаза, и лепетали всякую чушь. Ужасное зрелище!

Дважды меня так и подмывало повернуть к Эмити, и все-таки ехал дальше. Боялся, что не выдержу трех часов обратной дороги, а так был хоть один шанс из тысячи найти спасение где-то впереди.

Фантазия? Пожалуй. Я подумал о том, что будет со мной через пару часов: представил, как мой язык почернеет и распухнет – станет размером с бейсбольный мячик! Стоило это только вообразить, как волна жгучей боли пробежала от корня языка к глотке. И теперь просто чувствовал, как с каждым шагом коня смерть становится все ближе и ближе. В начинающемся бреде я уже казался самому себе зеленым листком, который высыхает и скукоживается в огромной раскаленной печи.

Мне стыдно рассказывать о том, что творилось со мной во время этого путешествия. С легкостью признаюсь, что во мне нет той отчаянной храбрости, которую принято считать одним из лучших человеческих качеств. Нет, смотреть в лицо опасности я не боюсь! Мне все нипочем, если я хорошо ее вижу, а еще лучше, если могу давать сдачи, – такие моменты просто люблю. Но вот гореть заживо, утонуть или умереть от жажды – это страшно. Да так, что мороз по коже продирает!

Я гнал коня до тех пор, пока он не зашатался. Тогда спешил и смерил его долгим взглядом. Бедняга вконец вымотался. Он и так-то не был особенно сильным и выносливым, но теперь вся его мощь куда-то окончательно подевалась. Что ж, решил я, избавившись от седока, он еще может спастись. Поэтому расседлал его, снял потник и уздечку, однако мустанг продолжал стоять с опущенной мордой, оттопырив нижнюю губу, – вид у него был удивительно глупый. Но стоило мне отойти от него, он встрепенулся, почуяв свободу, и неуклюже побежал прочь на подгибающихся ногах.

Глава 4

Питер Грешам

Увидев, как мой конь, держа нос по ветру, удирает, я понял, что он чувствует запах воды, или, по крайней мере, ему так кажется. Поэтому решил поспешить за ним. Вам, наверное, интересно, почему он не мог отыскать воду будучи в седле? Любой, кто хоть немного знает мустангов, ответит – доколе у них в зубах удила, эти создания думать самостоятельно совершенно не способны.

Поначалу я боялся, что бедняга вот-вот опрокинется на бок, но, окончательно уверовав во вновь приобретенную свободу, он мало-помалу стал набирать ход и наконец скрылся из виду за нагромождением каменных глыб, упавших с отвесной скалы, окаймляющей долину.

К тому времени, когда я добрался до этих камней, его и след простыл. На твердой почве, по которой он пронесся, копыта оставили отпечатки не лучше, чем пальцы, постучавшие по броне. Увы, мустанг не стал моим поводырем.

В последний раз взвесив свои шансы на выживание, я понял, что их не осталось. Вместе с конем исчезла и последняя надежда. Теперь проще всего было бы вытащить кольт из кобуры и пустить себе пулю в висок. Спасти меня мог лишь источник, чудом оказавшийся посреди пустыни, или же, что еще более невероятно, появление человека. Но кто мог оказаться на этой непроторенной дороге? Разве что какой-нибудь индеец, отбившийся от племени во время охоты за скальпами.

И все же я не застрелился по той простой причине, что подобный выход казался мне постыдным малодушием, – нельзя сдаваться, пока еще остаются силы. Чувствуя полную безысходность, я отправился по долине, понуро свесив голову.

Не знаю, почему мне вдруг захотелось посмотреть направо, этого не объяснить, но только взору моему неожиданно открылась неправдоподобная картина: у самой скалы я увидел всадника, который сворачивал за угол! На миг грустно подумал, что это конечно же мираж или призрак. Но почему-то от того, как поблескивало серебро на уздечке, все же уверился, что наездник и лошадь – отнюдь не плод моего воспаленного воображения. Я заковылял вслед за ними, размахивая руками, пытаюсь закричать.

В тот момент от них меня отделяло не больше двух сотен ярдов. Но вот беда – моя пересохшая глотка смогла издать лишь жалкое сипение. Напрягаясь, я попробовал завопить еще раз, но тут меня сковал новый приступ паники. Всадник скрылся за большущей грудой камней, которой хватило бы на постройку не одного города, оставив меня наедине с неописуемыми страданиями.

От горя у меня подкосились ноги. Если бы я упал, то уже вряд ли смог бы подняться – так и остался бы лежать, намертво придавленный к земле грузом отчаяния. Но каким-то чудом устоял и поплелся к тому месту, где пропало волшебное видение. Лошадь незнакомца огибала завал мелкой рысью, поэтому я смекнул, что, может быть, сумею докричаться до седока, если он ее не пришпорит.

Однако, свернув наконец за нагромождение камней, увидел, как лошадка удаляется резвым галопом. Возможно, я еще был бы услышан всадником, если б завопил во всю мочь, но мне это было не по силам. Все-таки попытался, только не откликнулось даже эхо, потому что разреженный горный воздух приглушает все звуки. К тому же мой голос сорвался, как у четырнадцатилетнего мальчишки.

Стало быть, конец, подумал я, глядя в спину всаднику. Но вдруг по какой-то немыслимой причине он обернулся, а в следующее мгновение, когда я, не веря своему счастью, подпрыгивал на месте и размахивал руками, развернул лошадь и напрямик помчался ко мне!

Он казался мне ангелом, сошедшим с небес! Ни один поэт не сочинил ни строчки, которая хоть отдаленно могла бы передать мои чувства в ту минуту, – чтобы их выразить, не хватит ни стихов, ни музыки!

Что заставило его оглянуться? Думайте что хотите, а я так скажу: телепатия! Волна моего страдания пронеслась через пространство и ударила ему в спину, вот он и посмотрел!

Переполнявшая меня благодарность была так велика, что я забыл про жажду. Опустившись на камень, встретил подъехавшего незнакомца безмолвно и с идиотской улыбкой.

Вопросов он не задавал. Достаточно было одного взгляда на мои растрескавшиеся губы, чтобы все понять. У меня перед носом тут же очутилось горлышко фляги.

Уже от первых глотков голова моя немного прояснилась, но в себя я еще не пришел. Только скрутив сигарку, выдув первое облако дыма и разогнав его рукой, почувствовал, что могу более-менее трезво воспринимать окружающую действительность, включая моего спасителя.

Он был похож... даже не знаю на кого! На девичий идеал мужчины, нереальный, как все идеалы! Это была одушевленная копия одного из тех молодых героев, которых обычно изображают в иллюстрациях к любовным романам. Свеж, чист, так же безупречен, как воротничок на рекламе мужских сорочек. Можно было сразу сказать, что он принадлежит к той породе людей, на которых любая одежда всегда выглядит так, будто ее выгладили десять минут назад.

Лет ему можно было дать от двадцати пяти до тридцати пяти. На лице еще не появилось ни одной морщинки, но что это было за лицо! Красивое, как на картинке, однако и мужественное. Это был красавчик, побеждающий женщин «с пол-оборота», с квадратным подбородком – верным признаком силы воли, если верить книжкам. За впалыми щеками обозначались крепкие желваки, нос был абсолютно прямым, а взгляд из-под густых бровей – твердым, спокойным и холодным. Окажись этот парень на субботних танцуйках в незнакомом городе, запросто заткнет за пояс первых женихов округи.

Надеюсь, вы уже представили, что это был за молодец? Но скажу честно, меня-то не особенно поразила его красота, хотя, оглядев незнакомца с головы до пят, я обнаружил, что и сложен он тоже идеально – имеется в виду, для героя-любовника. Ростом был, наверное, в шесть футов, а весом фунтов в сто восемьдесят – или сколько там положено по правилам? На вид сильный, подвижный и конечно же отлично тренированный. Невозможно и представить, что такой будет засиживаться допоздна, или наливать по уши виски, или целый день курить одну за другой сигарки. Этот человек был таким совершенным, что казалось, каждый день после бритья ополаскивается первосортным ромом.

А вот теперь объясню, почему все это меня не очень уж впечатлило. На своем веку я встречал не одну дюжину таких «героев нашего колледжа», но, когда дело доходило до настоящей драки, большинство из них не стоило и гроша. И боксировать они вроде могли неплохо, и задора им хватало, но не было в них той матерости, без которой ты – не боец. «Ну а когда же, по-вашему, мальчик из колледжа начнет подавать надежды как будущий чемпион ринга?» – может спросить меня с нетерпением репортер спортивной газеты. Что ж, отвечу. После того как получит диплом за то, что день-деньской кидал на жаре сено в Канзасе, или поднимал на лебедке уголь из шахты с трехтысячефутовой глубины, или размахивал молотом на заводе, где делают паровые котлы. После того как хорошенько узнает, что такое изнурительный физический труд.

Вот тогда колледжи будут выпускать чемпионов бокса. То же самое касается и других видов драки. Для того, кто познал труд, жизнь имеет меньшую цену. Если ты по шестнадцать часов в сутки загоняешь железо под пресс и получаешь за это три-четыре доллара, то со временем начинаешь понимать, что жизнь не такая уж и дорогая штука! Приходишь к выводу, что учителя из воскресной школы и авторы книжек для домашнего чтения раскрывают ее только с

одной стороны, будто вся она состоит из легких заработков и удовольствий. Но что знают они про тот ад на земле, от которого рукой подать до рая на небесах? Ни черта не знают!

А я как раз знал немало, потому как приобрел эти знания еще смолodu. И открыл одну довольно интересную вещь: нужно только привыкнуть, и человек может за день довольствоваться всего десятью секундами счастья, припадая к бутылке виски. И наплевать, чем он за это заплатит: пусть его разденут догола, когда он будет беспробудно пьян, пусть потом месяц не встает с кровати, поджидая, когда срастутся кости, – все равно! Разве десять секунд райского блаженства не стоят пяти тысяч дней работы в пекле? Я считал, что стоят, и поэтому смотрел на жизнь проще. Иногда мою собственную не ценил вовсе, не говоря уже о чужой.

Так что, смерив спасителя взглядом, я готов был дать ему большую фору. У него мог быть увесистый удар, он мог лучше меня владеть премудростями кулачного боя, но, если бы нам пришлось драться насмерть, мне он был не противник. Вполне мог оказаться метким стрелком, но и в срьелбе по живой мишени я был рангом выше.

Может, скажете, что думать таким образом о своем благодетеле низко и неблагородно? Но ведь я не стремлюсь показаться лучше, чем есть на самом деле. Естественно, я далеко не безгрешен, зато честен. А если уж на то пошло, у честности всегда такое неприглядное лицо, что в высшем обществе неизбежно вызывает отвращение. И когда я смотрел на этого чистенького, ухоженного красавца, то не мог не чувствовать своего превосходства.

Он заговорил так, как я и ожидал, – с безукоризненным аристократическим акцентом.

– Вижу, дела ваши плохи. Не пойму, как вы очутились здесь без лошади?

– Просто когда пролетал над долиной, у меня оторвались крылья. А можно мне еще раз заглянуть в ту фляжечку?

Он вручил мне ее без слов, а затем сказал:

– Ну что ж, выходит, нам теперь вместе в Эмити возвращаться?

– В Эмити?! – воскликнул я. – В Эмити... Значит, вы там обретаетесь?

– Я там живу, – ответил он.

– Вот как? В этом змеином гнезде? Можете не спорить, я там был. Из всех гнилых городишек, которые видел, этот – самый гнилой. Ну а вам-то что в нем делать?

Он слушал меня терпеливо, без улыбки, отчего еще больше был похож на книжного героя. Мне же никак не верилось, что он из Эмити, поэтому я спешил разобраться, что к чему.

– У меня там собственное дело, – пояснил он.

Мне показалось, что я нашел объяснение. Многие состоятельные люди посылали своих сыновей за хорошим образованием в восточные штаты, а затем ненадолго возвращали в родные края на практику, чтобы дать им возможность пообтереться, набраться жизненного опыта.

– Так вы, наверное, юрист? – попытался я догадаться.

Тут он наконец улыбнулся:

– Нет, к несчастью, у меня нет определенной профессии.

– Тогда вообще ничего не понимаю, – озадаченно мотнув головой, признался я.

– Давайте-ка двинемся в Эмити, – игнорировал он мои слова.

– Только не в Эмити! Без роты пехотинцев я туда больше не сунусь!

– Если там у вас с кем-то возникло недоразумение, думаю, что смогу все уладить.

– Да ну? – заорал я. – Кто же вы такой, черт возьми?

– Меня зовут Питер Гретам, – прозвучал ответ.

Глава 5

Я узнаю о Красном Коршуне

Трудно передать всю степень моего потрясения. Я взглянул на него снова, пытаюсь понять, не ослышался ли, но эхо в моей голове прогудело те же слова. Ошибки не было.

Питер Грешам! Отель, салун – весь этот доходный бизнес принадлежал человеку с таким именем, который заправлял городком и ограждал его от каких-то там опасностей... Впрочем, у меня созрело еще одно решение.

– Так вы, значит, сын того самого джентльмена, который подмял под себя Эмити?

– Я единственный Грешам в городе. Не могу сказать, чтобы подмял его под себя, но все же в силах сделать так, чтобы тебя там приняли, если, конечно, ты не хочешь остаться в пустыне и умереть от жажды.

Это меня доконало! Силы меня покинули. Я сидел не шевелясь. Никаких сомнений не оставалось. Это был он! Человек, который пользовался достаточным авторитетом, чтобы поддерживать порядок в таком милом «пансионе», как Эмити. Если даже у него не было никаких других заслуг, одно это уже говорило о многом.

Вы должны согласиться, что сдержанность – выгодная черта. Только лично себя я бы сдержанным не назвал. Если уж изумлен, то ору, выпучив глаза. Когда рассержен, тоже делаю круглые глаза и тоже ору, правда, на другой ноте. Если что-то не по мне, не стану молчать ни секунды. Иногда это производит впечатление, но оно долго не держится. Вот тихие и молчаливые – у них что ни слово, то попадание в десятку. И Грешам был таким! Я ошибочно отнес его к категории журнальных героев, но теперь понял, что у него за душой гораздо больше, чем мне показалось поначалу.

Я посмотрел на него вновь, как говорится, испытующе. На этот раз из-за морщинок у глаз подумал, что по возрасту он ближе к тридцати пяти, чем к двадцати пяти, а квадратный подбородок таким только кажется из-за выдвинутой вперед нижней челюсти.

Одним словом, вышло так, что судил я о нем как дурак. Но ведь мне было не привыкать – только и делал, что выставлял себя круглым идиотом.

Наконец произнес:

– Дружище, прости, не за того тебя принял. Готов поверить тебе на слово, если ты скажешь, что я могу вернуться в Эмити, и на сей раз городишко оправдывает свое название.

– Смотря что ты имеешь в виду, – ответил он с доброй улыбкой. – Если будешь бродить по улицам, постреливая в прохожих, к тебе снова могут отнестись враждебно. А кстати, что случилось в прошлый раз?

Я рассказал ему все без утайки. Говорить о себе неправду не люблю. Потому что так считаю: пусть люди принимают меня таким, какой я есть, а кому не нравлюсь, тот может катиться ко всем чертям! Но и оправдываться перед Грешамом тоже не стал – пересказал одни только факты, а он все внимательно выслушал, не улыбаясь, но и не хмурясь. Его лицо изменилось единственный раз – когда я сказал, как ударил Кеньона. О том, как обидел негра, доложил раньше. Когда я закончил, Грешам спокойно отозвался:

– С Кеньоном получилось нехорошо. Он славный малый, только в последнее время нервничает. Я объясню тебе, почему они вели себя странно. Дело в том, что не так давно Кеньон имел несчастье схватить одного из людей Красного Коршуна, и теперь ждет неприятностей, которые до сих пор случались со всеми, кто переходил дорогу этой шайке. Кеньон встревожен не на шутку, и компания отнеслась к тебе с подозрением по той же причине. Все, кто живет в Эмити, сейчас на взводе, и если ты узнаешь этих ребят поближе, то не будешь этому удивляться.

Его речь была по меньшей мере загадочной, о чем я тут же ему и сообщил.

– Я все расскажу тебе по пути, – пообещал он. – Запрыгивай в седло, и давай наконец выбираться.

– Ты что, пешком пойдешь? – удивился я.

– А почему бы и нет? Ты же едва на ногах держишься. Не беспокойся, я не первый год езжу по пустыне и прекрасно знаю, каково тебе сейчас. Так что смелей в седло!

– Вот еще, – заупрямился я.

– Тогда оба пойдем пешком, – решил Питер и с невозмутимым видом повел кобылу на поводу.

Это было слишком! Проглотив гордость, я признался, что и впрямь еле жив, затем кое-как забрался в седло, и мы двинулись в сторону Эмити: я – на лошади, принадлежавшей Грешаму, а Грешам – на своих двоих.

Другой бы на его месте чувствовал неловкость, но Питер шагал рядом как ни в чем не бывало, словно вышел на прогулку. По дороге он то и дело прерывал свой рассказ, делая замечания обо всем, что попало на глаза и казалось ему достойным внимания. А надо сказать, немногие вещи не вызвали у него интереса. Грешам был из тех людей, которые, остановившись в дешевом отеле, найдут столько привлекательного в его обстановке и в хозяевах, что своими рассказами вызовут зависть у любого миллионера, которому тут же захочется бросить свой особняк и переселиться туда. Грешам превосходно ориентировался на местности, много знал об образовании гор, а благодаря своим познаниям в области геологии мог прочесть занятнейшую лекцию чуть ли не о каждом булыжнике. Он поведал мне массу интересных историй о местах, по которым пролегал наш путь, – исконных индейских владениях. Судя по тому, что я слышал, здесь не было и крохотного пятачка земли, на котором индейцы в свое время не снимали бы скальпы – если не с бледнолицых, то с воинов чужого племени.

В беспокойных отношениях с переселенцами больше всего глума наделали апачи, однако лучшими вояками всегда оказывались команчи – эти кривоногие римляне Нового Света добивали храбростью и смекалкой там, где не могли взять числом. А от рассказов о команчах Грешам свернул к теме неурядиц в своем злополучном городке.

Не стану пересказывать историю его словами – во-первых, получилось бы слишком длинно, а во-вторых, мне не припомнить всего, что он наговорил за время нашего долгого возвращения в Эмити. Общая же суть была такова.

Лет пять тому назад Питер и его брат Лестер перебрались на Запад и как-то раз во время большой охоты остановились в Эмити. Братья выехали из дому для того, чтобы развлечься, а заодно получше узнать эти края, но, пока были в городе, апачи совершили на него набег и увели много лошадей. В ходе наспех организованной погони погибла пара лучших людей городка, и тогда была предпринята карательная операция, в которой участвовали все, кто только был способен сидеть в седле и держать ружье. Апачей они настигли, но поздно – основная часть работы уже была сделана за них. Пока шла перестрелка с дозорной группой, с противоположной стороны на апачей напали команчи и прошли по ним как огонь по сухой траве. К тому времени, как подоспели белые люди, команчи уже умылись кровью своих врагов и распевали победные песни, размахивая скальпами.

Оставалось лишь поздравить их, после чего отряд имел неосторожность устроиться на ночлег бок о бок с индейцами. Однако около двух часов ночи началась потасовка. Вскоре команчей стали теснить, белые люди перешли в решительную атаку, во время которой один из них был выброшен из седла пулей, попавшей ему в голову почти на излете и потому не причинившей особого вреда.

Не выдержав натиска, команчи бросились бежать, но захватили с собой того бледнолицего, упавшего с лошади. А через пару суток, когда оторвались от погони и ушли на безопасное

расстояние, подвергнули беднягу всем пыткам, какие только пришли им на ум, наслаждаясь его мучениями.

Главное в этой истории то, что замучен был не кто иной, как несчастный Лестер Грешам.

Когда до ушей Питера дошла весть о том, какую смерть принял его брат, он в тот же миг поклялся отомстить команчам, выследить и казнить того, кто руководил истязаниями, – вождя по прозвищу Красный Коршун.

Чтобы продолжить войну с индейцами, Грешам поселился в Эмити, поскольку городок находился как раз на пути их частых рейдов в глубь Мексики. Благодаря тому, что в окрестности было много рудников и процветало скотоводство, Эмити – в те дни он еще назывался по-другому – служил хорошей приманкой для мародерствующих команчей. А Питер знал, как захлопнуть ловушку.

Поначалу ему везло. Он устраивал засады, истребляя целые отряды индейцев, и их лучшие воины с предсмертным воплем отправлялись на вечную охоту в Долину Предков. Но через некоторое время Красный Коршун обнаружил, что его отборное войско сильно поредело, и тогда стал играть по другим правилам.

Этот краснокожий был весьма талантлив. Будь он белым, мог бы, наверное, стать каким-нибудь промышленным магнатом. И придумал вот что: вместо того чтобы теревить врага периодическими походами, начинавшимися издалека, обосновался в холмах рядом с городком, чтобы банда головорезов – немногочисленная, но находящаяся в опасной близости – угрожала ему постоянно. А пополнял ее Коршун не только соплеменниками. Кругом хватало негодяев, рядом с которыми самые кровожадные индейцы казались невинными детьми. Даже храбрейшим из краснокожих подчас не доставало той безжалостности и той отрешенности, которыми обладали другие члены этой шайки.

Мало-помалу Красный Коршун окружал себя мексиканцами-полукровками, жившими по другую сторону реки, а к северу от нее подбирал белых выроdkов всех мастей – грабителей, воров, закоренелых убийц.

Когда же достойная команда наконец была собрана, мудрому вождю пришла в голову еще одна идея. Он увидел, что индейцы в его банде оказались в меньшинстве, а скопившийся вокруг него сброд трудно отличить от жителей Эмити. И тогда решил, что будет недурно, если его люди примешаются к тем толпам, которые топчут улицы городка.

Его верные слуги под тем или иным предлогом стали проникать в Эмити, и с тех пор благодаря их донесениям шайка уже не грабила наудачу. Если почтовая карета везла в город деньги, или готовилась к отправке партия золота, или карточный игрок отбывал с набитым кошельком, это сразу становилось известно Красному Коршуну, который, сверкнув единственным глазом, ибо другой у него был навсегда погашен в бою, собирал ораву бандитов и всякий раз действовал наверняка, нападая на жертву в нужном месте.

Со временем постоянные грабежи поставили под угрозу само существование Эмити. Но что самое страшное, его жители знали – бандитские лазутчики находятся среди них, однако никто не мог с уверенностью указать на шпиона пальцем. Это создавало почву для всеобщей подозрительности, косых взглядов и ссор на пустом месте. Дружеские отношения стали недолговечными, под мирным названием городка происходили постоянные раздоры.

Такова была история, которую поведал мне Питер Грешам по пути, перемежая ее многочисленными отступлениями о разного рода достопримечательностях.

Из его рассказа я почерпнул немало, однако самым интересным для меня было то, о чем он не сказал прямо, – нескончаемая дуэль между свирепым Красным Коршуном и хладнокровным Питером Грешамом, который все еще не отомстил за брата, но не успокоится, пока этого не сделает.

Потрясенный до глубины души, я тщетно пытался представить, откуда в человеке берется такая одержимость, что он может на пять долгих лет безвылазно засесть в глуши, выжидая,

когда подвернется возможность свести счета. А чтобы заполнить время, начинает даже делать карьеру, пользуясь лишь теми средствами, какие лежат прямо под рукой. Я вспомнил его салун и все, что было внутри. И мне подумалось: никто не вправе упрекать Грешама за то, что он гребет деньги лопатой. Этот человек стремился к богатству, как и все вокруг, – просто был более удачлив, чем остальные. Его мнимые пороки были всего лишь пороками страны, в которой он жил.

Пребывая в этих раздумьях, я увидел впереди Эмити.

Глава 6

Ручательство Грешама

Завидев городок, я уже не мог внимательно слушать моего спутника. Вместо этого стал припоминать, какие взгляды посылали мне люди в салуне. От этих воспоминаний холодело в животе, о чем тут же и сообщил Грешаму, – потому что, как я уже говорил, у меня не было привычки скрывать мои мысли. Питер выслушал мое признание с улыбкой и пожал плечами.

– Вряд ли тебе что-либо угрожает, покуда есть, кому за тебя поручиться, – заявил он.

Не прошло и пяти минут, как я получил подтверждение его словам. У первых домов я слез с лошади, а когда мы вдвоем зашагали по улице, нам повстречались двое мужчин. Завидев нас, они застыли и стали сверлить меня глазами. Моя правая рука привычно дернулась к кобуре, но искоса я посмотрел на Грешама.

Он помахал мужчинам рукой, и, думаю, только поэтому в меня не полетели пули. Ведь эти парни были в салуне, когда мне велели убраться из городка и не возвращаться под страхом смерти.

После приветствия они пошли нам навстречу. Вернее, навстречу Грешаму.

– Пит! – обратился один из них. – Ты, должно быть, не знаешь, что у тебя за попутчик. Хочу тебя предупредить...

– Знаю, знаю, – оборвал его Грешам. – Этот парень – мой друг. Познакомьтесь, это...

– Не будем мы с ним знакомиться! – закричали парни почти хором. – Сперва послушай, как он ввалился в салун и начал...

– Да, я знаю, – сказал Грешам, – и про то, как он поцапался с Сэмом, и про то, как ввязался в ссору с вами, дал Кеньону по зубам.

– Он что, сам тебе все рассказал?!

Можно сказать, они смотрели на меня совсем другими глазами, а я в который раз втайне порадовался, что взял за правило говорить людям одну только правду. Видно было, что я все равно не нравлюсь этим ребятам – и мне ли было их в том винить? – но они, по крайней мере, могли изменить свое первоначальное мнение, а о большем не стоило и мечтать.

– Да, он сам мне все рассказал, – подтвердил Грешам. – А потом изъявил желание вернуться в Эмити и показать себя с лучшей стороны. Я заверил его, что при таком раскладе город не откажет ему в гостеприимстве. Или я ошибаюсь?

Секунду они молчали, разглядывая меня с сомнением. Но слово Грешама имело слишком большой вес, чтобы парни повели себя нелюбезно. А ведь еще две-три минуты назад хотели изрешетить меня пулями! Стало ясно, что Грешам – куда более крупная фигура в Эмити, чем я мог предположить, иначе не заставил бы их не только говорить, но еще и думать так, как ему того хотелось.

– Ну что же, – сказал один из них. – Всегда рад познакомиться с твоими друзьями, Пит, и звать их по имени. Держи! – И протянул мне свою ладонь.

– Эх, черт! – улыбнулся другой. – Я не такой уж умник, чтобы мне нечему было у тебя поучиться, Грешам. Пожалуй, тот, с кем ты водишь дружбу, и мне сгодится в друзья!

Я по очереди пожал руки двум моим заклятым врагам, а потом еще услышал, как они обещают Питеру Грешаму попросить своих товарищей, чтобы о происшедшем в салуне было поменьше болтовни. Когда мы расстались с ними, я не выдержал и воскликнул:

– Дружище, если только меня примут, я останусь здесь насовсем!

Грешам повернулся и торжественно пожал мне руку:

– Такие люди, как ты, Шерберн, нужны в Эмити. Тебе тут будут рады.

Наверное, по этой причине он и спешил меня со всеми помирить. Двое уже стали моими друзьями с его легкой руки, а теперь он заявил, что мы немедленно пойдем к Тому Кеньону.

Вот это мне не понравилось! Судите сами: я ударил Кеньона у всех на виду, и ему осталось только одно – оплатить мне той же монетой. По законам Запада, по крайней мере в те дни, подобные долги следовало возвращать с процентами. Я опасался, что мое появление на пороге дома Кеньона приведет его в бешенство, о чем и не постеснялся тут же сказать Грешаму.

Но тот, представьте, только отмахнулся и заявил:

– Если человек хочет жить в Эмити спокойно, он должен умирять свой гнев. Например, я, Шерберн, перестал носить с собой огнестрельное оружие. Вот и сейчас у меня нет при себе револьвера. Беру его только в те дни, когда нужно идти по следу этого краснокожего упыря, этого... этого...

Как видно, он и сам не всегда мог совладать со своим гневом. Я не верил моим глазам: хладнокровие, с которым Питер до сих пор держался, даже когда рассказывал про гибель брата, неожиданно его покинуло. Но благодаря именно этому всплеску я проникся к нему еще большей симпатией. До этого он казался мне слишком уж правильным; увидев же, что он, как и я, способен ненавидеть – пускай даже какого-то индейца, – захотел вновь пожать ему руку.

Однако куда сильнее меня поразило то, что он сказал насчет револьвера.

– Постой, Грешам, это правда, что ты ходишь без оружия? – решил я уточнить.

– Ну конечно, Шерберн. Разумеется, правда.

– Хочешь сказать, – не унимался я, – что у тебя и сейчас нет револьвера под мышкой? Что ты выехал из Эмити, рискуя в любой момент встретиться с индейцами, и, если бы это произошло, дрался бы голыми руками?

– На случай особой нужды у меня есть охотничий нож.

– Охотничий нож?! – завопил я истерически. – Скажи-ка, охотничий нож!

– Ну да, – невозмутимо отозвался он и, достав нож, подбросил его на ладони. – Если хочешь знать, в ближнем бою он не такая уж плохая штука. По мне лучше, чтобы противник послал в меня пулю, чем швырнул нож, при условии, конечно, что он умеет обращаться с холодным оружием.

А умел ли это делать сам Грешам, спрашивать не пришлось – об этом свидетельствовала та небрежная манера, с которой он теребил лезвие. Затем не глядя Питер сунул оружие в ножны и спрятал его за пазуху с такой непринужденностью, будто это были часы на цепочке. Мое уважение к нему вышло за все мыслимые границы.

И все же казалось странным, что человек в здравом уме может каждый день выходить безоружным на улицу в таком милом городке, как Эмити. Мое недоумение я выразил так:

– Верю. Но объясни, зачем подвергать себя опасности, расхаживая без револьвера в толпе?

– Опасности? – улыбнулся Грешам. – Впрочем, ты не первый удивляешься, хотя на самом деле никакой опасности нет. Когда у парня оружие, он готов к драке и всем своим видом показывает: меня, дескать, только тронь, я тут же начну стрелять! А теперь представь, что будет, если на пути окажется другой, такой же. Вот они встретились, стоят лицом к лицу, и ни один из них не желает отойти в сторону. Ба-бах! И как минимум, один труп! Но вот я выхожу, как ты говоришь, в толпу, зная, что у меня оружия нет. Не важно, знают ли это другие, – главное, знаю я! Если на пути возникнет опасность, попросту ее обойду. Я не ищу ссор, держусь на заднем плане и всегда готов выслушать чужое мнение. Мое самолюбие ничуть не страдает, если приходится уходить, почувствовав, что дело запахло жареным. В результате на мне нет ни единого шрама от уличной перестрелки или драки в салуне, а между тем я содержу салун, и отель, и казино! По-моему, это доказывает одну простую истину: человек получает то, что выбирает сам. Даже в таком пчелином улье, как Эмити.

Слушая его, я уже был готов во все это поверить и все-таки тут же запротестовал:

– Грешам, для тебя это, может, и верно, но уж никак не для других. Потому что такой, как ты, – один на десять тысяч, если не на миллион!

– Чушь! – отрезал Питер. – А вот и дом Кеньона.

Мы постучались, и к нам вышел Том Кеньон собственной персоной. Скользнув взглядом по лицу Грешама, злобно уставился на меня. Угостил я его крепко: правую сторону подбородка украшала синеватая опухоль, вокруг головы был повязан бинт. Вероятно, Кеньон ободрал затылок, проехавшись им по стойке.

Выдержав паузу, он заговорил:

– Хорошо, щенок, что ты нарушил запрет и вернулся к нам в Эмити. Побудь здесь, пока я схожу за револьвером!

– Минуту, Том! – остановил его Грешам. – Сперва послушай меня. Хочу, чтоб ты знал: мой друг вовсе не собирался...

– Господи, Грешам! – перебил его Кеньон. – Не может быть, чтобы у тебя завелись такие друзья! Это правда?

Он посмотрел на меня с таким омерзением, будто перед ним была гремучая змея. Я уже было двинулся в его сторону, но Питер схватил меня за плечо.

– Да, это правда, – ответил он. – А кроме того, хочу, чтобы он стал и твоим другом.

– Знаю я тебя, Пит, – вздохнул Кеньон, – только на этот раз не выйдет по-твоему. Я ни от кого не потерплю то, что позволил себе этот подонок.

– Он пришел извиниться, – объяснил Грешам.

И хотите – верьте, хотите – нет, но в тот момент я почувствовал, что и в самом деле могу извиниться. Впервые в жизни!

– Нужны мне извинения этого бульдога, – усмехнулся Кеньон. – Нет уж, Пит! Мы с ним поговорим по-мужски, и хочу, чтобы ребята это видели!

– Кеньон, – произнес настойчиво Грешам, – ты поступаешь неправильно.

Вот и все, что он сказал, но только тон его был холоднее декабрьской ночи в горах, а сам Питер застыл при этом наподобие каменной статуи. На Кеньона это подействовало сразу, он нерешительно положил руку на плечо владельца салуна.

– Знаешь, Пит, не всем быть святыми вроде тебя. Этот парень оскорбил меня у всех на глазах. Сейчас в городе только об этом и говорят. Не хочу, чтобы на меня показывали пальцем...

– Это ты брось! – возразил Грешам. – Скорее уж пальцем будут показывать на моего приятеля, когда узнают, что он перед тобой извинился.

– Думаешь, он в самом деле готов извиниться? – поинтересовался Кеньон.

– Думаю, да!

А я почувствовал, что у меня кровь стынет в жилах.

– Я имею в виду, не здесь, а при всех – в салуне, где он меня это... ударил, а?

– Ты многого хочешь! – заметил Грешам. – Но он сделает и это.

Кеньон смотрел на меня разинув рот. У меня же в голове вихрем закружились мысли – и все о той незавидной роли, которую уготовил мне мой новый друг.

– Ну, если так, – согласился Кеньон, – оно, пожалуй, стоит того. Сегодня в восемь я буду в салуне, там и увидимся. А здесь я тебя, щенок, больше видеть не хочу!

Том развернулся на каблуках и ушел в дом.

По совести сказать, еще неизвестно, кто из нас вел себя более оскорбительно – я в салуне или Кеньон на пороге своего дома.

Но не от этого мне было так тошно, когда мы шли по улице. Меня бил озноб при мысли о том унижении, через которое еще предстояло пройти. Видно было, что и Грешаму от этого не по себе, – он выглядел мрачнее тучи.

Глава 7

Смирение рождает ненависть

Некоторое время мы брели молча, но потом Питер тихонько проговорил:

– Не прав Кеньон. Ох, не прав! – Эта рассудительная фраза прозвучала сильнее любого проклятия, словно приговор, вынесенный Тому Кеньону двенадцатью присяжными. Затем Грешам обратился ко мне: – Ну что, Шерберн? Сделаешь, как он хочет?

Я посмотрел на него с кислой миной. Однако предстоящее испытание каким-то непостижимым образом меня прельщало. Ведь раньше я ни перед кем бы так не унился – тем более на глазах у целой толпы. Но на всякий случай посетовал:

– Это не так-то просто.

– Конечно, – согласился Грешам. – На такое у нас еще никто не отваживался.

– Ведь все подумают, что я наложил в штаны!

– Да, – признал он, – не исключено.

Его прямота задела меня. Я надеялся, что он хотя бы попробует меня разубедить.

– Тогда на кой черт мне это делать! Что я с этого буду иметь?

– Ничего, – пояснил Грешам. – В глазах посторонних ты этим мало что приобретаешь, а Кеньону, наверное, хватит глупости еще и презирать тебя за это. Но вот наедине с самим собой ты, может быть, останешься в выигрыше.

– В каком это смысле?

– Тебе будет чем гордиться – что само по себе немало!

Это было для меня открытием, но я продолжал ерепениться:

– Понимаю, что поступил нехорошо, ударив его вот так, без предупреждения. Но извиняться у всех на виду...

– Кеньон будет ждать тебя в восемь. У тебя еще есть время передумать!

Тут меня прорвало:

– Вот что, Грешам! Я так сделаю только по той причине, что тебе это кажется правильным. Не побоюсь сказать, что еще не встречал джентльмена достойней тебя, а уж побродил я по свету порядочно! Ты сказал, что так надо, значит, так тому и быть. А уж что из этого выйдет – посмотрим!

Питер глянул на меня и кивнул:

– Что ж, я польщен. Такой комплимент сделан мне впервые. Надеюсь, Шерберн, что дело не кончится для тебя плохо.

Последняя фраза прозвучала как сигнал к расставанию. Я попрощался и пошел пере-варивать мои заботы в одиночестве. Занятие это было не из приятных, и в конце концов я решил: если кто-то смерит меня презрительным взглядом или ухмыльнется, когда буду приносить Кеньону мои извинения, – тут же выхвачу револьверы и полью их всех свинцом из обоих стволов. Такое им устрою веселье, какого в Эмити отродясь не видели, несмотря на всю его шумную историю!

Вы скажете, что я рассуждал не по-христиански, но в то время меня не слишком волновало, что хорошо, а что плохо с этой точки зрения. Гораздо больше меня тревожило, что хорошо и что плохо для такого человека, как Джон Шерберн, он же Хват, он же множество других прозвищ, из которых Бульдог произносилось не чаще, чем остальные.

Из сказанного вы, должно быть, заключили, что репутация у меня была громкая, но далеко не самая лучшая. Да, признаюсь, за мою жизнь я сменил три-четыре сотни гнездышек вроде Эмити, и в большинство из них залетал по приглашению револьверных стволов.

Прошло несколько часов, а я все пережевывал факты, накопившиеся за этот день. И вдруг подумал, что тридцать два года моей жизни потрачены впустую. Помотало и поносило меня по свету немало, да только все мои друзья оказывались лишь случайными попутчиками. В целом мире не было ни мужчины, ни женщины, ни ребенка, которым я был бы дорог. А когда тебе тридцать два, не так-то много остается времени, чтобы обзавестись близкими людьми. С малых лет я дрался за право ходить по земле, заставлял считаться со мной тяжелым ударом и метким выстрелом. И за что же меня уважать? Пожалуй, и не за что.

Словом, остаток дня я провел невесело, наедине с моими револьверами, готовясь просить прощение в салуне Грешама. Я хотел посидеть так подольше и еще не раз все обдумать, но время летело как птица, и незаметно подступили сумерки. Настала пора собираться.

Было почти восемь, когда я вошел в салун. И сразу понял: Том Кеньон всех успел предупредить, какое представление здесь готовится. По дороге я еще наивно полагал, что зайду внутрь никем не замеченный, быстро приближусь к Кеньону и пробормочу слова извинения так, что, кроме него, меня услышат от силы человека три. Однако, стоя в дверях, увидел, что по бокам Тома стоит добрая дюжина молодцев и весь бар набит битком – не протолкнуться.

Казалось, здесь собралась половина мужского населения Эмити, и все они ждали меня! Едва я вошел, на меня уставились десятки глаз – неприятное, должен заметить, зрелище. На секунду я замер, ощупывая рукоятки кольтов. Уж они-то всегда могли повести разговор за меня, наверное, и были моими единственными друзьями... Нет! Я понял, что говорить придется самому; у стойки бара со стаканом пива в руке стоял Грешам, он смеялся, беседуя с каким-то молодым мексиканцем. И хотя взгляд его будто бы лишь случайно скользнул по моему лицу, я понял – Питер заметил меня и ждет.

Нетрудно было догадаться, что он никоим образом не хотел меня поддерживать. Если бы подошел и пожал мне руку, то показал бы остальным, что я действую с его благословения, а принимая во внимание его общественный вес в городке, тем самым не оставил бы мне никакой самостоятельной роли. Однако мне полегчало, когда я подумал о том, что, если пройду этот экзамен благополучно, Грешам будет рад называть меня своим другом.

Что ж, горькую пилюлю лучше глотать сразу. Я направился к Кеньону, чувствуя, как в меня вонзаются взгляды окружающих. На лицах многих застыло презрение. Все они решили, что я трусик! Некоторые залились краской – им было стыдно видеть, как низко может пасть человек!

Я остановился прямо напротив Кеньона. Всем своим видом он предвкушал мой позор.

Конечно, мне хотелось едва слышно промямлить заготовленную речь, но когда я открыл рот, то обнаружил, что из-за переполнявших меня эмоций силы моего голоса хватило бы, чтобы собрать на построение полк солдат. И тогда отчетливо произнес:

– Кеньон, я сожалею о том, что между нами произошло сегодня утром. Признаю, что не должен был тебя бить не предупредив. Как и обещал, я пришел, чтобы принести тебе мои извинения. Ты их принимаешь?

Кеньон стоял, разинув пасть, словно не веря своим ушам. Он не мог выдать из себя ни слова и лишь кивнул мне в ответ.

Повернувшись, я пошел к двери. Шаги давались мне с трудом. Никогда еще я не видел столько лиц, обращенных ко мне с презрением, – оно буквально сочилось из каждой кривой ухмылки, так что его можно было собирать ведрами.

Казалось, прошла вечность, прежде чем я подошел к двери, и уже готов был спускаться по ступеням, с облегчением увидев их перед собой, как вдруг кто-то громко меня окликнул:

– Шерберн!

Я остановился в нерешительности.

– Шерберн! – позвали меня снова.

Обернувшись, я увидел, как сквозь толпу ко мне торопливо пробирается Грешам. Подойдя, он стиснул мне руку.

– Превосходно, Шерберн. Я не раз видел, как люди достойно умирали, но такого на моей памяти еще не делал никто! Поздравляю! Выпьешь со мной?

Примерно этого я и ожидал. Приняв поздравления и рукопожатие от такого человека, как Грешам, я уже мог не придавать значения презрительным гримасам окружающих людей. Однако его слова, судя по всему, заставили присутствующих увидеть случившееся в ином свете. Когда я проследовал за Грешамом к стойке бара, народ почтительно расступался; теперь все глядели на меня с оторопью, недоуменно почесывая подбородки.

Воцарилась тишина, которую нарушил опять же Питер:

– Ребята, поднимем стаканы! Хочу представить вам моего друга. Его зовут Джон Шерберн, вот он стоит. Вы слышали, как он просил прощения у Тома Кеньона за свой сегодняшний проступок. Но вы должны понять, что Кеньон не оставил ему выбора. Хочу, чтобы все знали, что днем я привел его в дом Тома Кеньона, и Шерберн предложил свои извинения там. Но Тому этого было мало. Он пожелал устроить спектакль и потребовал, чтобы Шерберн явился в салун, принес извинения при всех.

Я скажу вам, почему Шерберн на это пошел. Нет, не из страха перед Кеньоном. Шерберн – не тот человек, чтобы кого-то бояться. Если не верите, можете спросить о нем в сотне городков на Западе, и вам расскажут, кто он такой! Но здесь он хочет показать себя совсем с другой стороны.

Ребята, он будет вместе с нами охотиться на Красного Коршуна, и поэтому ему нужно, чтобы лучшие люди нашего города стали его друзьями. Он пришел к нам не для того, чтобы хвастаться своей удалью и меткостью. Ради нас Шерберн начал другую игру и, согласитесь, сегодня он зашел с козырного туза!

Не знаю, как нам отнестись к поступку Кеньона. Это уже другой вопрос, подумаете над ним после. А пока выпьем за здоровье Джона Шерберна!

Взад-вперед по стойке стали ездить стаканы; бармен едва успевал их наполнять. Воздух наполнился радостным ревом, бульканьем виски. Жидкость в стоящих рядами бутылках убывала на глазах.

Вскоре меня обступили со всех сторон; люди выкрикивали свои имена, пожимали мне руку. Вот что сделал для меня Грешам и вот что значило его слово в Эмити!

Но без ложки дегтя, естественно, не обошлось. Потому что один человек не притронулся к выпивке посреди этого шумного веселья, а вышел вон с опущенной головой. Это был Том Кеньон. И я знал – будь на месте Грешама кто-то другой, Кеньон заставил бы его поплатиться за разговоры, которые велись допоздна за столиками.

В тот вечер, кроме десятков друзей, я нажил и одного заклятого врага.

Глава 8

Правила большого человека

Однако тогда мне не было дела до Тома Кеньона. Он мог сколько угодно ненавидеть меня или нежно любить – меня занимало лишь мое будущее положение в местном обществе, хотя после рекомендаций, данных мне Грешамом, оно не могло быть плохим. Власть Питера была безраздельна. Он правил городом, обходясь без револьвера, и любого мог поставить на место, как это только что сделал с Кеньоном.

Любопытство заставило меня обратиться с расспросами к стоявшему рядом детине свирепого вида.

– И как это Грешам, – спросил я, – может каждый день рисковать, расхаживая по улицам без оружия?

– Да какое там рисковать! – ухмыльнулся он. – Раньше, может, и было опасно. А теперь у него эта самая – ну, как ее? – репутация. Ребята его уважают. Тут за него любой в драку бросится. Я сам был в этом салуне, когда двое чужаков хотели его прикончить, чтоб потом о них все говорили. А теперь никто и не вспомнит, как их звали...

Мне стало интересно, я попросил рассказать поподробнее. Он охотно продолжил:

– Первый, значит, приезжает в город и заходит сюда среди бела дня. Народу – никого, один Грешам за столиком сидит. Этот разложил свои револьверы и давай его задирать, а тот – ни в какую. Сэм, бармен наш, тоже пушку вытащил, хотел вмешаться, но Большой приказал ему не лезть на рожон. Тогда этот гастролер прицелился в Большого, велел ему выйти из-за стола и приказал танцевать. А сам – знаешь эту старую хохму? – стал ему под ноги стрелять. Ну а Грешам возьми да и станцуй ему – настоящую ирландскую джигу сплясал, и все с улыбочкой да с выкрутасами разными, чтоб не показать, что испугался. Хотя что ему показывать, если он и так никого не боится?

Гастролер, значит, целый день ходил по городу и хвастался: вон, мол, кого я плясать заставил, а как придет ваш Грешам поквитаться, тут ему и крышка! Только Грешам все не шел и не шел – оставался в баре и вел себя так, будто ничего между ними и не было.

Уже и ребята интересоваться стали, а он только смеется в ответ. Да, говорит, было дело. Пришлось танцевать, чтобы посетитель не скучал! Сколько его помню, он всегда такой – смотрит на вещи просто, не то что мы. Но мы все ждали, что чужой будет делать.

Потом оказалось, что в Кентукки его каждая собака знала – тот еще был фрукт! И вот выждал он пару деньков, а потом смазал свои револьверы и сам сюда заявился. Встал он вон под этой картиной и стал всякие гадости Большому говорить. Ну а затем... – Тут рассказчик сделал паузу и выставил указательный палец: – Дырку видишь?

Я прошел через комнату и разглядел аккуратное отверстие в верхнем углу картины.

– Сюда вот попала одна из пуль, когда кто-то из ребят промахнулся. Пока этот мистер трепал языком, они с него глаз не сводили, а как у него блеснуло что-то по дороге из кобуры, его и шарахнули из двадцати стволов сразу. Места живого не осталось!

– Ну а второй что? – полюбопытствовал я.

– А второй пожаловал из Монтаны и заявил: «Слышал, есть тут у вас серьезный человек, только не верю, что такие в Техасе водятся». Он тоже хотел Большого раззадорить, но окромя улыбочки ничего не получил. Болтал долго, но потом самому надоело, схватился за кобуру.

Ну а дальше та же история. Только этот умер не так скоро. Из наших в баре было всего трое, и, хотя каждый всадил в бедолагу по полдюжины пуль, он еще успел перед смертью проломить стойку и врезаться в зеркало. Потом Грешаму больших денег стоило посылать на восток

за новым, но, как видишь, привезли ему. Он так сказал: «Пусть хоть все зеркала перебьют, а я салун не закрою!»

Здесь детина прервал рассказ и засмеялся. Я угостил его виски, увлажнив таким образом почву для дальнейшего разговора, и конечно же о Грешамах. Мне уже было понятно, что о нем здесь любили беседовать. «Грешам и мы», – говорили в Эмити, точно он был половиной города, притом лучшей. У меня складывалось впечатление, что для жителей Эмити Питер не просто хозяин, а что-то вроде ангела-хранителя. Слухи о нем разошлись так далеко, что люди, державшие путь с севера на юг или с востока на запад, считали своим долгом заехать в Эмити, порой значительно отклонившись от маршрута, и хоть глазком посмотреть на знаменитость.

В городе всегда была тьма приезжих, которые почитали за честь остановиться в отеле Грешама. А кроме того, в его салуне был отменный ассортимент выпивки, другой такой невозможно было сыскать в радиусе ста миль. Когда ковбои получали плату за перегон скота, они готовы были потерпеть несколько часов, добираясь до Эмити, но залить в глотку хорошего пива или вина за его стойкой, а не травить себя тем обычным пойлом, которым в те дни торговало большинство западных баров.

Иной золотоискатель, возвращающийся с Аляски с поясом, набитым драгоценной пылью, тратил на дорогу лишнюю неделю, только чтобы просадить свое богатство в казино Грешама. Отчасти потому, что не боялся, что здесь его обворуют во время сна, но еще и потому, что здесь давали играть в кредит. Было известно, что иногда Питер нарочно обдирает парней, которые пришли напиться до беспамятства. Он заставлял бармена брать с них втридорога, а наутро, когда они думали, что все уже пропито, ставил им выпивку, чтобы ребята могли опохмелиться за свои же деньги.

Вот за все это Грешама и любили. А ему всеобщая любовь приносила сказочные барыши.

Для любителей азартных игр слово «Эмити» было все равно что «Эдем», и, конечно, оно однозначно было связано с казино Грешама, поскольку другого казино в городе не было, как не было другого салуна и другого отеля. Время от времени кто-то пытался открыть одно из таких заведений, однако тут же вылетал в трубу, не имея никаких шансов выдержать конкуренцию с Питером. Но наибольшей популярностью, как я уже сказал, пользовался его игорный дом. Привлекали в него людей два обстоятельства.

Во-первых, каждая рулетка и каждое прочее приспособление были устроены без обмана, и честен был каждый крупье, стоявший за столом. А во-вторых, здесь не существовало такого понятия, как верхняя граница ставки.

Расскажу вам случай, который произошел в первый же вечер моего пребывания в Эмити.

Это одна из тех историй, которые не сходят с языка в карточных кругах, и, выслушав ее, вы поймете, что Грешам был сделан из стали тройной закалки. Итак, в тот вечер в казино появился один португалец – смуглый, черноглазый и тонкогубый негодяй, который уже навел шорох во многих городках на границе. Он стоял у рулетки и медленно, но верно проигрывал.

В конце концов португалец пришел в ярость и бросился искать хозяина. А найдя Грешама, стал кричать, что с рулеткой мухлюют, и требовать честной игры, в которой он мог бы спокойно расстаться с последней полусотенной. Питер ничуть не рассердился, хотя среди присутствующих поднялся ропот. Знаком руки он остановил ковбоев, готовых разорвать португальца на куски, и предложил ему сыграть на первого туза.

Тот согласился и, моментально удвоив свое состояние, пожелал сыграть на всю сотню. Я сам видел, как они одну за другой вскрывали новые колоды, тасовали их и тянули по очереди. И каждый раз португалец выигрывал! Его везение было поистине дьявольским: сотня, мгновенно превратилась в две, две – в четыре, четыре – в восемь...

Глаза игрока загорелись, он стал прямо-таки пускать слюни – пренеприятное, скажу вам, зрелище! И всякий раз, когда куча денег перед ним увеличивалась, визжал: «Еще, сеньор! Играю на все!» Затем толкал на середину стола весь выигрыш до последней монеты. Наконец

настал момент, когда в банке оказалось пятьдесят одна тысяча двести долларов. Грешам обошел все столы, вытряхивая деньги из всех ящиков, но набрал только сорок пять тысяч.

– Закладываю мое казино, чтобы сравнять, и еще двести долларов останусь тебе должен, – сказал он.

– К черту двести долларов! – завопил счастливчик. – Казино и деньги! Играем!

– Отлично, – согласился Грешам и со своей обычной улыбкой вскрыл новую колоду.

Предложил португальцу: – Твой черед.

– Нет, твой, будь ты проклят! – заорал этот сумасшедший. – Я начинал в прошлый раз!

Проклятие нисколько не задело Грешама. Он снова улыбнулся и кивнул:

– Как скажешь.

Затем перетасовал колоду и вытащил туза!

Для португальца это было словно пуля в висок – он свалился на пол. Ребятам пришлось вынести его на свежий воздух, а там даже полить водой, чтобы пришел в себя. На следующий день они же выгнали его из города.

Что же касается Грешама, тот сохранил полнейшую невозмутимость, будто у него с португальцем состоялась всего лишь приятная беседа, а не игра по бешеным ставкам.

Я для того столько о нем рассказываю, чтобы вы поняли, какой это был человек. Тогда вам легче будет представить, что мне довелось пережить, когда в два часа ночи под грохот дверей, запираемых на засов, я услышал за собой голос владельца казино:

– Задержись ненадолго, дружище! Нам надо поговорить.

Мы присели, Питер поставил на стол бутылку старого портвейна.

– Шерберн, мне нужна твоя помощь, – неожиданно сказал он. – Хочу, чтобы ты стал моим партнером и присматривал за всем моим хозяйством, пока я не закончу охоту на этого мерзавца, Красного Коршуна. Что скажешь?

Глава 9

Доктор

Если бы какой-нибудь миллиардер предложил мне стать его наследником, я бы и то, наверное, удивился меньше. Мне казалось, Грешам – последний, кому могла бы пригодиться моя помощь. Но еще более невероятным было то, что этот мудрый и рассудительный джентльмен решил довериться не кому-нибудь, а сорви-голове, беспечному и ненадежному человеку – боюсь, именно таким я и был в то время!

Запинаясь, чередуя объяснения междометиями и словами благодарности за оказанное доверие, я все так ему и высказал.

Грешам остановил мою бессвязную речь.

– Я понимаю, что иду на риск, предлагая тебе стать моим партнером, – сообщил он. – Но мне не привыкать рисковать – такова моя профессия. Считаю, делаю верный ход и готов на тебя поставить. Будь ты абсолютно надежен, тебя бы не занесло в наши края – сидел бы где-нибудь на востоке, заправляя собственным делом.

Однако, рискуя, я дешево приобретаю хорошего помощника. Ну а ты, если работа придется тебе по плечу, получишь достойное занятие. Я хочу сделать тебя своим полномочным представителем. Если кто-то зайдет в казино и решит сыграть по высоким ставкам, ты проследишь, чтобы он ни в чем себе не отказывал, – вплоть до того, что по желанию клиента поставишь на карту все наше имущество, как это сегодня сделал я.

Помимо этого, ты должен будешь по кругу обходить все столы, наблюдая за тем, как идет игра; салун и гостиница тоже требуют постоянного присмотра. Следует проверять имена постояльцев в регистрационном журнале – сюда забредает самый разный люд, а за чужими нужен глаз да глаз.

Если будешь справляться, я дам тебе двадцать пять процентов от общей прибыли, что составит весьма недурной доход. Приобретешь репутацию, сможешь иметь свой бизнес. Обещаю тебе помогать, когда у меня будет свободное время. Ну как тебе мое предложение?

Я честно сознался:

– Грешам, оно меня пугает! Никто еще мне так не доверял! А вдруг мне захочется сгрести все деньги подчистую – и поминай как звали?

– Ты этого не сделаешь Шерберн, – отреагировал он, – просто потому, что я тебе верю. Человек, который сумел так поступить в ситуации с Кеньоном, найдет в себе силы, чтобы противостоять и этому соблазну. Тебе, Джон, приходилось ошибаться в мелочах, но не думаю, что ты можешь опростоволоситься, играя по-крупному!

Я ничего не ответил. Просто не мог ответить, потому что у меня сперло дыхание. Но в то же время подумал, пусть меня повесят или четвертуют, если я не оправдаю его доверия.

Больше мы ни о чем не говорили. Грешам показал мне мое новое жилье на втором этаже – двухкомнатные апартаменты, в которых могли бы останавливаться монархи. Засыпая, я и впрямь почувствовал себя королем.

Проснулся я поздним утром оттого, что в мои ноздри проник едкий запах дешевого табака. Открыв глаза, увидел, что у окна, закинув ноги на подоконник, сидит старик лет шестидесяти, с худым вытянутым лицом и разросшимися, длинными, жесткими бровями, как усы у моржа.

Я обвел глазами комнату, пытаюсь вспомнить, как здесь оказался. Увидел высокий потолок, большое окно...

– Это, наверное, городская тюрьма, а вы – ее смотритель?

– В каком-то смысле да, – откликнулся незнакомец. – Я – зритель. Но не думай, что ты в общей камере.

Я начал припоминать события минувшего дня; они вихрем пронеслись перед глазами.

– А в какой же? – спросил я, подыгрывая старому чудаку.

– В камере смертников.

У меня по телу пробежала дрожь, настолько просто и убедительно это прозвучало.

– Где?

– В камере смертников, – повторил он.

– Как так?

– А вот так! Кто спит на этой кровати, долго не живет. Ты ведь новый партнер хозяина?

Мне и вправду стало как-то беспокойно.

– Положим, да.

– Если бы это было не так, тебя бы здесь не было.

– Значит, все, кто здесь спали, умерли до срока?

– Да, уже двое.

– Ничего, третий – везучий, – заверил я старика.

Он только передернул худыми плечами:

– Что-то не похоже.

– Ошибаетесь. Я родился под счастливой звездой!

– Хорошо, ну и где ты теперь, счастливчик? В Эмита? Тоже мне, счастье...

Я сел на кровати и уставился на него:

– Послушайте, кто вы такой?

– Меня здесь все зовут Доктором.

– На мой взгляд, правильнее было бы звать гробовщиком, – заметил я. – И чем вы тут занимаетесь?

– Облегчаю жизнь друзьям хозяина. Особенно его партнерам.

– И со всеми вот так начинаете знакомство? С предсказаний?

– Нет, зачем же? Но ты сам посуди. Первый приехал к нам из Нью-Йорка. Такой толковый был, головастый, резвости не занимать. Лет под пятьдесят, но и верхом хорошо ездил, и стрелял без промаха. У него там, в большом городе, было свое дело, да только стало для него слишком велико, а для кого-то другого – в самый раз. Вот тот, другой, и прибрал все к своим рукам, а Карсону – так звали беднягу – пришлось в пятьдесят начинать жизнь сначала. Решил у нас попробовать, но его всего лишь на два месяца и хватило. Подстрелили вот через это самое окно. Аккуратно так, прямо между глаз пулю влили.

Доктор приутих и стал готовить себе жвачку из табачных листьев. Занятие это оказалось долгим, потому что с зубами у него было плоховато, передние служили в основном для демонстрации золотых коронок и больше, пожалуй, ни на что не годились. Наконец принялся торжественно двигать челюстями.

– А что второй? – напомнил я.

– Этот был из Мичигана. Стилвеллом звали. Хороший был парень, со всеми тут подружился, но однажды поспорил с заезжим торговцем, который хотел купить у него лошадь. Видно, они там крепко схватились, потому что в тот же день он получил пулю в спину. А самое забавное – торговца этого ни до, ни после в городе никто не видел!

Старик снова утих, словно нарочно испытывая мое терпение, потому как, сами понимаете, мне становилось все интереснее.

– Послушайте, – не вытерпел я, – а второго вы предупреждали?

– С какой стати я буду предупреждать мичиганца? Говорят, у них там, в холодных штатах, у каждого своя голова на плечах!

– А я, по-вашему, из какого штата?

– Из Луизианы.

Я насторожился:

– Это вам хозяин сказал?

– Нет.

– Как же вы догадались?

– Видишь ли, у одних на это нюх с рождения, к другим он приходит с годами, а третьи ничего не ждут, сами им обзаводятся. Только у меня нюх с рождения, с годами лишь обострился, да и своим умом я до многого дошел.

– Значит, если кто из Луизианы, вам сразу видно?

– Вот именно, дорогой мистер Шерберн.

– Ах вы, старый плут! – заорал я.

– Ну ладно, признаюсь, слыхал о тебе. Но хоть тебя и помотало по всей стране, говорок-то у тебя все равно остался – ни с чем не спутаешь. Да если хочешь знать, я бы с закрытыми глазами определил, что ты из Луизианы, а если поднапрячься, так еще и скажу, с Юга или с Севера.

– Бывают же прохиндеи! – удивился я.

– Так, последние слова указывают мне на то, что родился ты где-то в окрестностях... э-э-э... Рэкама. Нет?

Я прыгнул на пол:

– Ах вы, негодяй! Отвечайте, кто вы такой!

– Скажи-ка, а живы ли еще твои почтенные родители, Хват?

Это была моя самая первая кличка. И услышал я ее, признаюсь, с трепетом.

– Назовите же, наконец, свое настоящее имя, – взмолился я.

– Меня так долго звали Доктором, что я его уже позабыл.

– Так, значит, вы жили в Рэкаме? Кажется, припоминаю вашу физиономию!

– Нет, я тогда ходил с усами, а они были крашенные, ты навряд ли меня вспомнишь.

Я так и прыснул.

– Ладно, – решил больше не приставать. – Ужасно рад встретить земляка, тем более человека из родного города.

– А знаешь, о чем я тут вспоминал, пока ты спал?

– Ну?

– Как ты подрался с сынком Порсона в школьном дворе.

– А вы что, были там?

– Помнишь, тогда еще чинили крышу на вашей школе?

– А! Да, кажется.

– Нас там было четверо, мы все бросили работу, чтобы посмотреть. И было на что полюбоваться! Порсон сшиб тебя с ног, схватил палку...

– Точно! – откликнулся я и приложил руку к брови – самый большой мой шрам остался именно от палки Порсона.

– Ну так вот, когда мы увидели, как из тебя хлещет кровь, решили, что он пробил тебе голову. Вместе с дружкой я стал спускаться, чтобы надрать Порсону уши. Но на полдороге услышали, как двое других кричат с крыши: «Он встал! Он встал!» Я посмотрел вниз и увидел, как ты поднялся и, весь в крови, кинулся давать сдачи.

– Он так меня разукрасил, что самому было страшно смотреть. Я, наверное, только поэтому и победил.

– Поэтому, не поэтому, тебе виднее, но ты его здорово обработал, когда прижал к стене. Это уж я видел своими глазами. Только учти, брат, если тебя в Эмити кто уронит, уже не сможешь подняться. Потому что здесь палкой никто драться не станет.

Последние слова были произнесены таким серьезным тоном, что я невольно нахмурился.

– Кроме шуток, вы никак и вправду предупредить меня хотите?

– Какие тут шутки!

– Но у меня и врагов-то еще здесь нет...

– Ну и что? У тех двоих тоже не успели появиться, вернее, им так казалось. Но я скажу тебе, в чем дело. Дело-то все в том, что работенка, за которую ты взялся, в пору только одному человеку.

– И кому же?

– Грешаму, кому ж еще!

– Значит, по-вашему, он один должен быть за все в ответе, и в его деле нет места для двоих?

– Ну а я тебе о чем толкую?!

Он опять умолк и, высунувшись из окна, стал за кем-то следить, медленно поворачивая голову. Я подошел и встал рядом. Под окнами проходила девушка с огненно-рыжими волосами. Несмотря на солнцепек, она шла с непокрытой головой, шляпа висела у нее за спиной на тесьме. При ходьбе незнакомка по-мужски стучала каблуками, и руки у нее тоже двигались совсем как у мужчины, а каштановый загар на них был как у паренька, который все лето загорал на берегу реки. Одета девушка была в платье из синего ситца, порядком выгоревшее на солнце. Вот все, что я успел заметить, – простенькое платье, рыжие волосы, размашистая походка. Но почему-то мне показалось, что привлекательнее женщины я еще не видел.

Не знаю, в чем тут дело, может, потому, что не видел ее лица? Или из-за красоты изгибов ее стройного тела, которое ткань облегла на ветру? Только сердце мое застучало с неистовой силой.

Я проводил ее глазами, пока она не свернула за угол.

– Эй! – раздался рядом голос Доктора. – Смотри не выпади из окна!

Я резко выпрямился. И наверное, слегка покраснел, но поделаться с этим ничего не мог. Однако, чтобы скрыть смущение, вздохнул и пробормотал:

– Красотка! Правда, Доктор?

– А то! – подтвердил он.

– Как ее зовут?

– Дженни Лэнгхорн.

Я ожидал услышать что-нибудь этакое.

– Хорошее имя!

– Только прими к сведению – будет лучше, если ты тотчас выбросишь его из головы, а заодно и ту, кто его носит.

На этот раз от предостережения Доктора у меня вскипела кровь.

– Это еще почему?

– Остынь, – посоветовал он. – Считай, что на этой лошадке чужое клеймо, и нет к северу от Рио-Гранде ни одного смельчака, который захотел бы тягаться с тем, кто его поставил.

– Доктор, – рассердился я, – нехорошо обзывать пожилого человека вруном, но как же еще вас назвать после всех этих небылиц? Если она еще не замужем, скажи мне, что за глупец надеется сохранить для себя это сокровище?

– Питер Грешам, – ответил он и развалился в кресле, наслаждаясь моим смятением.

Глава 10

Удар по стойке

Я много слышал про любовь с первого взгляда и нисколько не сомневаюсь, что она существует, но, если человек влюбляется, посмотрев девушке в затылок, тут уж, извините, иначе как круглым дураком его не назовешь. Поэтому не могу сказать, чтобы Дженни Лэнгхорн сразу запала мне в душу, однако дело шло к тому, и шло очень быстро.

– Дай Бог так и не увидеть ее лица! – произнес я вслух.

– Многие говорили то же самое на твоём месте, – отреагировал Доктор. – Но скажи-ка, ты, вообще, влюбчивый юноша?

– О да! – честно признался я.

– Очень?

– Очень.

– Ну, тогда помоги тебе Господь! – вздохнул он сокрушенно. – А не врешь?

– Ха-ха! – воскликнул я. – Да я, между прочим, влюблялся в каждом городке, а на Западе бывал повсюду! Мне столько раз пронзали сердце, что шрамов не сосчитать.

– Ох и складно же ты загибаешь! Даже не знаю, верить тебе или нет. Но будем надеяться, что Дженни не положит глаз на такого пустомелю.

– Постойте-ка, – встрепенулся я, – вы ж ведь сказали, что она повязана с Грешамом?

– Ну, сказал.

– Но теперь по вашим словам получается, что она – вольная пташка?

– Нет, ты меня не понимаешь! Смотри не вздумай строить глупые планы на ее счет! Я тебе объясняю. Со стороны Грешама все решено. И Дженни вроде говорит, что не прочь за него выйти. Только вот помолвлены они были года три назад, а свадьбы все нет и нет!

– Три года назад? А сколько ей?

– Двадцать.

– То есть Грешам хотел с ней обручиться, когда ей было семнадцать?! Что это он, с ребенком да под венец?!

– Если ты думаешь, что три года назад она была ребенком, то сильно ошибаешься. Младенец был такой, что сам черт ему не брат! Нет, не возраст удержал Дженни от замужества, хотя у нее одна отговорка – не готова, мол, еще.

– Никогда не понимал женщин. Даже притвориться не мог, будто понимаю. Влюбиться в девушку – это я запросто, но вот узнать ее как следует – это дело хитрое.

Доктор кивнул.

– Тебе надо все подробно объяснять, как в книжке, а то ведь не поймешь, – проворчал он. – Неужели ты думаешь, что у девушки с такими волосами может быть покладистый характер? Да влюбись она по-настоящему, ей не то что Грешам, сам пресвятой архангел не указ! Поэтому и говорю, что зыбко у них все. Грешам ей нравится. Дженни даже думает, что любит его. Но он будет дурак, если не потащит ее силком венчаться. Она найдет себе другую партию.

Понемногу осмыслив сказанное, я сделал вывод:

– Тогда лучше с ней вообще не встречаться, а если и встречу – отвернусь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.